

ПОВСТАНЦЫ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ (1920–1930 гг.):
ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЧЕРКАСОВ А. А.

KUBAN AND BLACK SEA COAST
INSURGENTS (1920-1930):
DAILY ACTIVITY

SHERKASOV A. A.

The article studies Kuban and Black Sea Coast insurgents daily activity during peacetime of 1920–1930.

В статье рассматривается повседневная деятельность повстанцев Кубани и Черноморья в период мирного времени 1920–1930 гг.

Keywords: insurgent movement, Kuban, Black Sea Coast, daily routine.

Ключевые слова: повстанческое движение, Кубань, Черноморье, повседневность.

УДК 93

Повстанчество как явление в период гражданской войны и после нее в разной степени было характерно как для Кубани, так и для Черноморья. Разница заключалась только в движущей силе повстанчества. На Кубани этой силой стало консолидированное казачество, осознавшее, что большевики без серьезного видоизменения, без коренной ломки установившихся традиций не оставят его в покое. На Черноморье в качестве движущих сил повстанческого движения выступили крестьянство, ориентированное на партию социалистов-революционеров; зажиточное беспартийное крестьянство, отвечающее большевикам различными формами саботажа; малочисленное в Причерноморье кубанское казачество.

После установления советской власти, весной 1920 г., крестьянское и казачье повстанчество стало называться бело-зеленым движением. Кто же такие бело-зеленые? В широком смысле бело-зеленые – это антисоветские части, которые могли объединять весь широкий фронт оппозиционных большевикам партий и сословных групп. По партийному составу в бело-зеленом движении преобладали представители от умеренных партий, главным образом, эсеров, до правых традиционалистов-монархистов.

В сословном отношении повстанцев представляли и казаки, и иногородние, и черноморские крестьяне. В повстанческом движении Черноморья и Кубани не принимали участия рабочие, численность которых в соотношении с вышеперечисленными слоями населения в этом регионе была невелика.

Таким образом, бело-зеленые части объединили различные политические силы, на протяжении конца 1918 – весны 1920 г. враждовавшие друг с другом. Белые, как на Кубани, так и на Черноморье, являлись сторонниками монархии и опирались на офицерство, бывшую администрацию Добровольческой армии и значительное количество казаков. В свою очередь зеленые стали выразителями идей «Земли и воли», особенно популярных в

Сочинском округе Черноморья, и опирались на различные слои крестьянства. Само по себе бело-зеленое повстанчество не представляло единой организации, а объединялось противостоянием с большевиками по причине своего враждебного или оппозиционного отношения к советской власти. Начиная с 1920 г., белое и зеленое движения старались соблюдать нейтралитет в отношении друг друга, что наиболее ярко проявилось, например, между зеленоармейскими отрядами Сочинского округа и Армией возрождения России.

Прекращение деятельности Добровольческой армии, Крестьянского ополчения КОЧГ, Армии возрождения России генерала Фостикова и других крупных войсковых единиц на Кубани и Черноморье в 1920 г. стало началом создания бело-зеленой оппозиции.

Как уже было отмечено, на территории Кубани главную роль играла казачья оппозиция советской власти, которая особо активно действовала с 1920 по 1922 гг. включительно. Тем не менее отдельные очаги сопротивления были характерны и последующему до Великой Отечественной войны периоду.

Период от зарождения к становлению повстанчества, как правило, занимающий значительное количество времени, на Кубани протекал крайне быстро. В мае 1920 г. вернулись на Кубань в колоннах военнопленных кубанские казаки, действовавшие в составе войск Кавказского побережья. Однако к этому времени значительная часть населения Кубани отрицательно оценивала деятельность советской власти, и к середине мая 1920 г. в ЧК начали поступать сведения о формировании бело-зеленых групп.

Первые повстанческие отряды создавались в ходе восстаний, вызванных продразверсткой, антицерковной политикой советской власти, а также нажимом на само казачество. После стихийного всплеска протеста в каждой конкретной станице, сопровождавшегося убийством советских продработников и членов местного партийного актива, население, участвовавшее в нем, становилось перед выбором: ожидать расправу или уходить на положение нелегалов. Третьего пути у решившихся на

насильственные действия станичников не было. По мере открытых выступлений против советской власти население создавало казачьи повстанческие отряды.

Практически все казачьи повстанческие отряды создавались стихийно, и многое в их дальнейшей деятельности зависело от способностей их командиров, которым недостаточно было обладать личной храбростью и уважением за заслуги в Первую мировую войну. Повстанческому командиру необходимо было иметь навыки партизанской деятельности или способности к ней. Чаще всего хорошими партизанами становились охотники, прекрасно ориентирующиеся в плавнях, лесах и горах и умеющие дожидаться своей добычи.

На наш взгляд, в связи с вышеизложенным повстанческие отряды на Кубани можно разделить на два вида: отряд-«однодневка» и классический повстанческий отряд.

Различались эти отряды по длительности периодов их существования. Практически всем отрядам приходилось проходить стадию перевооружения, т.к. зачастую они начинали свою деятельность с пиками, вилами и топорами. Эта стадия – существенная проверка боеспособности повстанческого отряда, и первые крупные потери сопровождали отряд именно в это время. Если отряд на этой стадии уничтожался противником и рассеивался, то его целесообразней всего считать отрядом-«однодневкой», так и не способным организовать партизанскую деятельность.

Классическим отряд становился после процесса перевооружения, когда он обретал некоторое постоянство. После перевооружения повстанческий отряд сам обеспечивал себя продовольствием и базой, для которой с особой тщательностью выбиралось место [1].

Здесь учитывался целый ряд факторов. Прежде всего, обращали внимание на выгодность месторасположения отряда, т.е. равную удаленность его базы от ближайших населенных пунктов. Затем стремились обеспечить возможность передвижения как конным, так и пешим строем. Значительные усилия затрачивались для того, чтобы сделать базу труднодоступной, а пути к ней малопроездными. Помимо основной базы, предусматривались еще несколько запасных.

Повстанческий лагерь имел один-два глинобитных домика, землянку-погреб для хранения продуктов питания и несколько шалашей на 8–10 человек. На каждой базе, например, находящейся под командованием хорунжего Рябоконя, для отражения неожиданной атаки противника имелся как минимум один постоянно готовый к бою пулемет.

В значительной степени продовольствие добывалось на месте за счет охоты и рыболовства. Пищу варили в котле, хлеб доставали у жителей ближайших населенных пунктов, а также в результате налетов на продотряды. «Главным врагом» повстанцев был дым, который особенно сильно демаскировал лагерь в осеннее и зимнее время года. Поэтому часть повстанцев зимой покидала лагерь и проживала на чердаках у себя дома или у родственников. С наступлением весны они вновь возвращались в лагерь и начинали свою деятельность.

Подступы к повстанческой базе, как правило, прикрывала линия обеспечения, состоящая из всевозможных ловушек, предусмотренных с целью изматывания противника еще до прямого соприкосновения с повстанцами. На тропинках устанавливались растяжки из дратвы или сырой нитки, которые соединялись со спусковым крючком огнестрельного оружия. При нажатии оружие стреляло, тем самым подавало сигнал о приближении противника. Помимо этого, в полосе обеспечения строились волчьи ямы, на дне которых устанавливались стержни или колья. Ставились силки и волчьи капканы [2].

Повстанческой разведке и контрразведке уделялось особенно важное внимание. Как правило, свои люди у повстанцев были не только среди жителей хуторов и станиц, но и среди ответственных работников советской власти, сотрудников милиции, местной администрации. За дачу ложных сведений грозил расстрел, поэтому изменники в разведке почти не встречались.

В боевой деятельности отряды вели себя по-разному, что зависело от численности повстанцев и их вооруженности. Так, повстанческий отряд хорунжего Рябоконя численностью от 18 до 25 пштыков и сабель в ночные рейды уходил группами по 3–5 человек и атаковал в разных местах. Это

производилось с целью создания иллюзии о многочисленности повстанцев. Так же действовали повстанцы хорунжего Карасюка и других.

Применялись повстанцами и всевозможные военные хитрости, среди которых особым успехом пользовалось разворачивание подков на конских копытах. Это часто вводило в заблуждение представителей силовых ведомств. Такую хитрость использовали повстанцы из отряда хорунжего Рябоконя. Красноармейцы шутили, что рябоконтцы ездят задом наперед [3].

Таким образом, деятельность и быт повстанческих отрядов на Кубани имели свои характерные особенности, связанные с условиями местного проживания и использованием повстанческих методов борьбы.

В период с 1923 г. по конец 1930-х гг. на территории Кубано-Черноморской области повстанчество продолжало действовать как бы по инерции. Противодействие осуществляли, как правило, те отряды, которые не могли рассчитывать на снисхождение советской власти. Однако к ним то и дело добавлялись новые отряды, созданные как ответная мера на советскую политику, например, периода коллективизации.

Уже после снятия военного положения на Кубани и Черноморье добивали последние очаги бело-зеленого сопротивления. В начале 1924 г. сотрудниками ОГПУ под руководством тов. Сорокова был полностью уничтожен отряд хорунжего Рябоконя, оказавшего чекистам ожесточенное и отчаянное сопротивление. В плен повстанцы не сдавались, т.к. прекрасно осознавали, что будут сразу же расстреляны [4]. Однако полностью ликвидировать этот отряд не удалось, и лишь в октябре 1925 г. Рябоконт и его люди были выслежены правоохранительными органами, раненый Рябоконт попал в руки ОГПУ и вскоре в Новороссийской тюрьме был расстрелян. В то же время, в 1924 г., на территории Сочинского района действовал отряд Дадияни, в 1927 г. – абхазский отряд [5].

Однако хорунжий Рябоконт не являлся самым длительно действовавшим командиром отряда, значительно дольше действовал другой повстанческий командир – Прокофий Миргород, занимавшийся повстанчеством более

10 лет. В июне 1931 г. на территории Сочинского района была ликвидирована его повстанческая группа. Сегодня практически не представляется возможным выяснить, вымышленная фамилия была у Прокофия или нет. Из неопубликованных воспоминаний удалось выяснить, что Прокофий в прошлом являлся белогвардейским офицером, уроженцем станицы Темнолесской. После ухода войск генерала Деникина с Кубани Прокофий перешел на нелегальное положение и начал противодействие советской власти. Вместе с Прокофием в леса ушли его сын и дочь, два племянника и достаточно большая группа станичников. Вместе они начали налеты на продотряды, проводили убийства советских активистов и т.д. С целью ликвидации банды советская администрация постоянно направляла в «зеленку» не только отряды ВЧК, ОГПУ, но даже войсковые подразделения. Разумеется, в ходе боевых столкновений группа Миргорода теряла людей и постепенно сокращалась в числе. К 1931 г. в банде Прошки (так ее именовали большевики – А.Ч.) осталось всего три человека: он, его сын Павел и племянник Григорий. Ввиду того, что на Кубани не прекращались поиски банды силовыми органами, Прокофий принимает решение уйти через Главный Кавказский хребет на Сочи. В июне 1931 г. Прошка появляется в районе высокогорного села Бабук-аул, из которого накануне по уголовному делу о секте «имяславцев» было депортировано в Сибирь все местное население.

Спустя несколько дней Прокофий с товарищами под видом егерей кубанского отдела вступает в контакт с местной коммуной «Заря гор». Однако коммунары не поверили «егерям»: в тот же день один из коммунаров, Н.И. Биткинов, выехал на лошади из Бабук-аула в Уч-дере, где в то время размещался погран. пост. Начальник погран. поста Бернадт, вверенные ему пограничники, а также собранные в Солох-ауле бывшие партизаны за ночь достигли Бабук-аула и, развернувшись в цепь, пошли к перевалу. Утром, выйдя к перевалу, партизаны увидели, как повстанцы занимаются самообеспечением, и вступили в огневой контакт с бандой, однако перестрелка была недолгой ввиду отсутствия запасов патронов, оставленных на месте лагеря.

Повстанцы начали отступать к месту ночевки, туда, где у них остались вещи, а главное – 13 ящиков патронов и 5 кавалерийских карабинов.

Тем временем одна из партизанских групп под командованием Д.Ф. Мелешко, двигаясь по хребту, случайно обнаружила место ночевки и поставила там засаду. Именно сюда и вышли повстанцы... Неожиданно по ним был открыт фронтальный огонь. В ходе короткого столкновения был убит командир повстанцев Прошка Миргород, которому партизанская пуля попала в голову. Однако его племяннику и раненому сыну удалось скрыться в лесу и отступить через перевал на Кубань. Именно по следам крови на камнях и траве продолжалось преследование партизанами повстанцев. Несмотря на то, что повстанцы тщательно маскировали и запутывали следы, преследование их продолжалось. Поздно вечером повстанцы остановились для ночевки, разожгли костер и начали готовить себе еду. Именно в это время их и обложили кольцом партизаны и пограничники. Утром их взяли живьем. Однако ввиду того, что сын Прокофия Павел потерял много крови и находился при смерти, то его добились на месте. Тело бросили в канаву от упавшего дерева и привалили камнями. Раненого в ногу Григория привели в Бабук-аул и сделали перевязку. Последний уцелевший повстанец долго сетовал на поведение коммунаров, заявляя: «Если бы мы знали, что вы так поступите, то за одну ночь всех вас бы перебили. Но мы вас не трогали потому, что хотели жить в мире. А получилось вот как» [6].

Спустя некоторое время Григория доставили в Сочи и после непродолжительных следственных мероприятий расстреляли.

Действовали повстанческие отряды и после ликвидации группы Прокофия Миргорода. Только на территории Сочинского района действовали в 1931 г. – отряд Булатуева, в 1933 г. – Волковский отряд и ряд других [7]. Создание этих групп было связано с коллективизацией, а позже и периодом политических репрессий.

Подводя итоги, хочется отметить, что повседневная жизнь кубано-черноморского повстанца в 1920–1930 гг. проходила в сложном психологическом

климате. Повстанец был обязан находиться в состоянии полной боеготовности на случай вероятного нападения противника. Очевидно, что в разное время психологическое спокойствие повстанца было разным. Так, летом-осенью 1920 г. в Баталпашинском районе бойцы Армии Возрождения России чувствовали себя «как дома», что совершенно рознится с обстановкой в это

же время, например, в 1925 г. После 1922 г. повстанчество в зимнее время стало, по сути, подпольным: плавни, блиндажи и землянки стали местом обитания противников советской власти. Противодействие повстанцам оказывали ЧОН, милиция, ЧК, ОГПУ, армейские подразделения, и еще одним их врагом стал дым, часто демаскировавший лагерь.

Литература

1. Черкасов А.А. Кубано-черноморское повстанческое движение (1920–1922 гг.): краткая характеристика // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 13–14.
2. Подробнее см.: Черкасов А.А. Особенности деятельности и быта казачьего повстанческого отряда на Кубани в начале 1920-х гг. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар, Армавир, 2004. С. 123–125.
3. Черкасов А.А. К вопросу о гражданской войне на Кубани и Черноморье в 1917–1922 гг.: причины, ход, итоги // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 50.
4. Архивный отдел администрации города Новороссийска. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1253. Л. 34.
5. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 37. Л. 12; Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 7.
6. Из неопубликованной рукописи Д.И. Котенко // Личный архив А.А. Черкасова.
7. АОАГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.

Сведения об авторе:

Черкасов Александр Арвелодович, д-р ист. наук, зав. каф. истории и культурологии СГУТиКД (Сочи).

E-mail: sochio03@rambler.ru